

Независимая газ.
1996. - 7 марта.
С. 7

Одинокий броненосец

АНДЖЕЮ Вайде исполнилось **А**вчера 70 лет. Он появился на свет в один год с «Броненосцем «Потемкин». Сегодня он и впрямь напоминает древнее, пережившее войны и революции, защищенное броней собственного величия чудовище. «Монстр», как уважительно называет своих классиков рок-тусовка. Мэтр. Гигант мысли и отец польской демократии.

Ерническая интонация навязывает себя помимо воли. Над Вайдой не хочется иронизировать — именно потому, что сегодня это самое простое дело. Он действительно выглядит смешно и старомодно. В эпоху Великого Стеба он остается непоколебимо серьезен, историчен, традиционен. Сорок лет назад он снял «Канал» — о разгроме варшавского восстания на глазах отдыхающей на бивуаках Советской Армии. Его последний фильм находит исток этой трагедии: «Страстная неделя» показывает гибель варшавского гетто на глазах добрых католиков-поляков.

Он один из последних великих режиссеров XX века. Кто более классичен сегодня? Мы говорим «пафос» — подразумеваем «Вайда», мы говорим «Вайда» — подразумеваем не то слезливое чувство, что навязывает нам идеология, а ту пронизывающую нервную дрожь, неотделимую от бесстрашного движения мысли, анализирующей, критикующей, развенчивающей идеологию. Вайда делал фильмы о жестоком клинче человеческой ду-

ши и общей идеи, об отраве высоких слов и миражах высоких целей. Но при этом он смог спастись из ловушки, подстерегающей художника-оппозиционера: он спорил с идеей, оставаясь идейно неангажированным. Это позволило ему сохранить чистоту взгляда. И статья над схваткой «правого» и «левого», взяв сторону жизни в ее поединке с ложью, равнодушием, смертью.

Его герои насмерть запутывались в силках демагогии и террора, но именно их мучения доказывали то, что, облекаясь в мрамор или железо, они оставались людьми. Недаром школу вайдовских фильмов проходили лучшие актеры Польши: сама живая, непредсказуемая природа реакций Цыбульского и Радзивилловича противостояла однозначности идейной борьбы.

Он гениально почувствовал и непредсказуемость истинно великого политика, чья жизнь словно растворена в истории. Исторического деятеля создает исторический момент: Вайда гениально показал это в «Человеке из железа», поймав в объектив камеры живого Валенсу на высшем взлете его славы. Валенсу, пронизанного токами времени, воздухом свободы, взглядами толпы. Вайдовский Дантон — из тех же героев. Да и сам он близок им по судьбе.

Он был среди тех, кто разрушал социализм и еле выбирался из под обломков. Естественно, он разделил участь своих товарищей — того же Валенсы — прежде всего. Его участь сегодня — почтительное пренебрежение, видимый успех и глубокое общее равнодушие. Призы «За вклад в развитие чего-то там». Но эта атмосфера подходит ему. Бескомпромиссность всегда была его фирменным знаком, не только интеллектуальная, но и стилистическая — вспомните вызывающую барочность «Пепла и алмаза» или вызывающую простоту «Человека из железа».

Вайда сегодня — одинокий старый броненосец, отставший от флотилии, но не изменивший своему курсу. Выходя из моды, он входит в историю.

Виктория НИКИФОРОВА